

Цзоу Вэньяо. Религиозное переживание времени в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» / Цзоу Вэньяо, И. Б. Ничипоров // Научный диалог. — 2019. — № 3. — С. 202—213. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-202-213.

Zou Wenyao, Nichiporov, T. S. (2019). Religious Perception of Time in B. Pasternak's novel "Doctor Zhivago". *Nauchnyi dialog*, 3: 202-213. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-202-213. (In Russ.).

УДК 821.161.1Пастернак.07+82-31

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-202-213

Религиозное переживание времени в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»

© Цзоу Вэньяо (2019), orcid.org/0000-0003-2192-9831, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия), zouwenyao@mail.ru.

© Ничипоров Илья Борисович (2019), orcid.org/0000-0001-6338-9947, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия), il-boris@yandex.ru.

Рассматриваются особенности организации художественного времени в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго». Отмечается, что время в романе представлено в виде трех моделей, которые соотнесены между собой и взаимно пересекаются: историческое время, время как грамматическая категория и сакральное, «библейское» время. Особенное внимание уделяется «библейскому» времени, связанному с религией. Доказывается, что сюжетно-композиционная структура и образный мир романа Пастернака — в его прозаической и особенно поэтической частях — коррелируют с евангельскими событиями и православным календарным кругом, центром которого выступает Страстная седмица, где каждый день напоминает об итоговых событиях земного служения и проповеди Иисуса Христа. Важным элементом исследования становится выявление драматичного самоощущения лирического «я» в стихотворной главе романа, где оно обретает надвременный смысл, проецируется на события евангельской истории и прежде всего на тайну жертвенного подвига Христа. В процессе анализа особенностей художественного времени в романе становится очевидно, почему указания на исторические факты даются в тексте, как правило, без конкретных дат, а по ассоциации с определенными периодами церковного года. Делается вывод о том, что в романе «Доктор Живаго» характерное для автора и ряда персонажей религиозное восприятие времени предполагает взаимное прорастание быта и бытия, истории и вечности.

Ключевые слова: христианство; евангельский текст; историческое время; православный календарь; пасхальный цикл; Пастернак; роман «Доктор Живаго»; система лейтмотивов; композиция романа.

1. Введение

Художественное время — одна из важнейших характеристик произведения художественной литературы, обеспечивающих «целостное восприятие художественной действительности и организующих композицию произведения» [ЛЭС, 1987, с. 486]. Вместе со второй характеристикой художественного образа — пространством — художественное время составляет хронотоп и «воспроизводит пространственно-временную картину мира, притом в ее символично-идеологическом, ценностном аспекте» [Там же]. М. М. Бахтин отмечал, что время в литературном произведении «сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым» [Бахтин, 1975, с. 235]. Он определял хронотоп как формально-содержательную категорию литературы, отражающую тесную взаимосвязь художественно освоенных пространственно-временных отношений [Там же, с. 234]. Проникновение в суть художественного времени литературного произведения помогает лучше понять нарративный замысел и художественные интенции автора, а также увидеть особенности его личности и менталитета, осознать его мироощущение в момент написания книги.

Хронотоп является важнейшим элементом поэтики, глубоким, всеобъемлющим, пронизывающим все стороны литературного произведения: ход сюжета, образы персонажей, язык и т. д. — и отражающим воззрения автора текста, его мировосприятие. В художественном тексте русской литературы встречаются различные реализации хронотопа, одна из которых — христианский хронотоп. В. Н. Захаров анализирует христианский хронотоп в произведениях Ф. М. Достоевского, сосредоточивая при этом внимание на символах христианского календаря. По его мнению, начиная с книги «Записки из Мёртвого дома», писатель вёл «счёт времени уже не от Сотворения мира, а от Рождества Христова и не только сам переживал время как христианскую мистерию, но и наделял этим даром своих героев» [Захаров, 2012, с. 132]. Христианский хронотоп рассматривается В. Н. Захаровым также на материале произведений И. А. Бунина [Там же, с. 157—161]. Он пишет: «Православие обусловило христианский хронотоп русской литературы. Во многих произведениях время представлено не датами (веками, годами, месяцами), а христианскими праздниками» [Там же, с. 160]. Христианский хронотоп стал предметом исследования многих литературоведов. Его воплощение рассматривается на материале романов «Золотой узор» Б. К. Зайцева [Хатямова, 2007], «Эрон» А. Королева [Часцинов, 2015] и других произведений. Христианский хронотоп связывается исследователями с православным мироощущением русского человека, той прочной позицией, которую занимает христианство в русской культуре.

Роман «Доктор Живаго» Пастернака привлекает внимание исследователей с точки зрения его нарративной структуры и художественного времени в нём. В. И. Тюпа считает, что в романе присутствует нарративная интрига, которая «состоит в разрыве непрерывной в своем течении повествуемой истории и в связывании ее фрактальных эпизодов в единство повествующего дискурса» [Тюпа, 2013, с. 72] и которая подчиняет себе развитие времени в произведении. Прерывистость времени в романе, неравномерность его движения несомненна. Г. А. Жиличева анализирует «функционирование в нарративе двух временных сфер: исторического времени события и времени субъекта» [Жиличева, 2013, с. 130]. С этим также нельзя не согласиться: герой произведения и его понимание реальности накладывают отпечаток на движение времени и влияют на появление упомянутой выше прерывистости.

Целью настоящего исследования стало выявление и анализ разворачивания важнейшего временного измерения в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» — «сакрального» времени, связанного с религиозным переживанием. Предметом анализа стали в первую очередь «Стихотворения Юрия Живаго».

2. Способы разворачивания художественного времени в романе

Художественное время в романе Пастернака «Доктор Живаго» разворачивается на нескольких уровнях. Это историческое время, реализуемое как масштаб биографий героев, их личных судеб, соотнесенных с историческими событиями; это время как грамматическая категория, воплощенная в художественном тексте; это «сакральное» время, проступающее в сквозных евангельских ассоциациях и привносящее в картину мира героев книги и её читателей дыхание вечности.

Г. А. Жиличева отмечает важность в темпоральной структуре романа понятий минуты и вечности: «Минута и вечность парадоксально сочетаются в сознании героя. Так, событие революции осознается героем как “вековая” минута, но, разочаровавшись в способах “переделки мира”, Живаго чувствует, что восторженная “минутная отзывчивость” закабалила его, то есть заставляет пребывать в новой реальности» [Жиличева, 2013, с. 138]. Очевидно, что время в романе нелинейно, что оно разворачивается в соответствии с представлениями автора и повествователя и зависит от авторских интенций, от тех философских и психологических идей, которые писатель стремится воплотить в тексте и донести до своих читателей.

По мнению Л. И. Ермолова, в романе «Доктор Живаго» «авторское время, время лирического переживания, время персонажей, читательское

время, прорывы к Вечности создают сложное единство повествовательной структуры» [Ермолов, 2012, с. 80]. Ш. А. Мазанаев и М. Б. Айгулова отмечают такую черту художественного времени в романе Пастернака, как психологичность, которая связана с субъективным восприятием окружающего мира героями произведения, в первую очередь Юрием Живаго. В восприятии героев «в определенные переломные жизненные моменты оно [время] либо растягивается, либо сжимается» [Мазанаев и др., 2018, с. 441]. Скачкообразное движение времени отражает не столько исторические события, разворачивающиеся в этот период, сколько мироощущение героя и его личное представление о времени, в котором он живёт.

Сам писатель понимал, что время в его романе разворачивается особым образом, что его течение отличается от обычного течения времени в реальной действительности. Б. Л. Пастернак писал: «Бытие, на мой взгляд, — бытие историческое, человек не поселенец какой-нибудь географической точки. Годы и столетия — вот что служит ему местностью, страной, пространством. Он обитатель времени» [Пастернак, 1990, с. 213]. Эти слова указывают на то, что из двух явлений, определяющих художественную суть литературного произведения, — пространства и времени — Пастернак основным считал время. Человек, по мнению писателя, способен изменить пространство своего существования, многие так и поступают несколько раз в течение жизни (такие ситуации присутствуют и в сюжете романа «Доктор Живаго»), но при этом он неизменно остаётся во времени, из круга которого не способен выйти, неумолимое течение которого не может изменить.

Религиозное отношение ко времени, его «сакральный» характер особенно ярко проявляются в «Стихотворениях Юрия Живаго», в значительной мере основанных на евангельских сюжетах, лейтмотивах и ассоциациях. Однако и прозаическая часть романа имеет временную организацию, во многом ориентированную на христианскую аксиологию. На наш взгляд, именно христианское, религиозное переживание времени в романе наиболее важно.

3. «Сакральное», христианское художественное время в романе

Время в христианской аксиологии наделено особым содержанием, поскольку здесь важным является не только эмпирический период жизни отдельного человека или целого народа, но и сакральное измерение бытия, действие Божественного Промысла. С одной стороны, время в церковном восприятии — это результат творения Бога, а значит, оно имеет *онтологическую вертикаль*, связывающую земной мир с горним. Вместе с тем время в христианстве *линейно* и разделяется на ветхо- и новозаветную парадигмы.

В романе Пастернака история и современность России часто воспринимаются сквозь призму библейских мотивов, в сопряжении с христианским пониманием личности, любви, свободы, красоты, идеи жертвенного служения. Христианская «нить» присутствует в романе как ведущая, направляющая линия, как стержень, вокруг которого строится повествование, рождаются художественные образы, развивается течение времени.

Христианские смыслы весьма значимы для нарратива романа. По мысли И. А. Есаулова, «структура романа являет собой художественно организованное паломничество к Пасхе, к новой жизни» [Есаулов, 2001, с. 497]. Исследователями были замечены «сакральный» характер времени романа, его связь с христианским календарём. Так, Л. И. Ермолов отмечает: «... Для глав, повествующих о дореволюционной России, характерно ведение времени не только по “светскому” отсчету, но и по православному календарю» [Ермолов, 2012, с. 82]. Эта частность заставляет исследователей более внимательно взглянуть на проблему «сакрального» времени в романе и увидеть многое, что определяет христианское понимание автором художественного времени.

Действительно, текст романа «Доктор Живаго» как в прозаической, так и в поэтической частях заметно ориентирован на вехи христианского календаря, прежде всего на *православный пасхальный цикл*, и насыщен богослужебными аллюзиями [Есаулов, 2004]. В ряде «Стихотворений Юрия Живаго» в образную систему вплетены сюжеты, мотивы и образы, связанные с художественно осмысляемыми событиями Страстной седмицы и Воскресения Христова. Так, художественное время в стихотворении «Дурные дни» многослойно. Центральное место занимает здесь изображение Входа Господня в Иерусалим за несколько дней до крестных страданий: *Когда на последней неделе / Входил Он в Иерусалим, / Осанны навстречу гремели, / Бежали с ветвями за Ним* [Пастернак, 2012, с. 673]. Прописанное многими психологическими штрихами, «жестовыми» подробностями, сменяющими друг друга массовыми сценами, это событие почти лишается Пастернаком того праздничного звучания, которое оно имеет в церковном предании и богослужебных текстах. Вход Господень в Иерусалим предстает здесь как свидетельство одиночества Христа посреди людского множества, у которого в ответ на Его появление «*презрительно сдвинуты брови*», и бросает трагический отсвет на предшествующие этапы Его земной жизни — от Рождества до искушений в пустыне, выхода на общественное служение, первого чуда, сотворенного на «брачном пиршестве в Кане», — и в то же время таит просветляющее предвестие победного сошествия в преисподнюю и Воскресения: *И сборище бедных в лачуге, /*

И спуск со свечою в подвал, / Где вдруг она гасла в испуге, / Когда Воскрешенный вставал... [Там же].

Примечательно, что в тексте романа чаще всего та или иная дата обозначается посредством православного календаря, без употребления чисел. Автору достаточно указать, что действие происходит на Страстной неделе, — и читатель, укорененный в христианской культуре, сможет предположить, в какой период разворачиваются события. Но это не единственный смысл использования подобных «косвенных» временных обозначений. Пастернаку, как и главному герою произведения, привычно мыслить данными категориями, они органичны для их сознания. В картине мира Юрия Живаго год делится на временные отрезки согласно череде церковных православных праздников. В этом смысле сознание поэта-интеллигента соотносимо с мироощущением простого крестьянина, различие заключается только в том, что последний не имеет иных способов ориентирования во времени, а для Живаго это самостоятельный мировоззренческий выбор, возможно, даже способ найти какую-то константу в вихре событий, найти опору, которая помогает пережить трудное время, рушащее христианские ценности.

Временная структура романа основана на синхронном переживании различных исторических эпох — от ветхозаветной древности до революционной современности. Различные временные пласты сочетаются и пересекаются. Как полагает один из персонажей романа Сима Тунцева, *«в отношении забот о трудящихся, охраны матери, борьбы с властью наживы, наше революционное время — небывалое, незабвенное время с надолго, навсегда остающимися приобретениями. Что же касается до понимания жизни, до философии счастья, насаждаемой сейчас, просто не верится, что это говорится всерьез, такой это смешной пережиток. Эти декламации о вождях и народах могли бы вернуть нас к ветхозаветным временам скотоводческих племен и патриархов, если бы обладали силой повернуть жизнь вспять и отбросить историю назад на тысячелетия. По счастью, это невозможно»* [Там же, с. 522—523].

Сима Тунцева являет в романе миропонимание воцерковленного, творчески мыслящего человека. В разговоре с Ларой она стремится объяснить смысл многих церковных обрядов и православного календаря: *«Меня всегда занимало, отчего упоминание о Магдалине помещают в самый канун Пасхи, на пороге Христовой кончины и Его воскресения. Я не знаю причины, но напоминание о том, что такое есть жизнь, так своевременное в миг прощания с нею и в преддверии ее возвращения»* [Там же, с. 523—524]. В диалогах Лары с Симой предвосхищаются мотивы ряда стихотворений Юрия Живаго. В частности, их разговоры о Марии Магдалине служат

источником двух стихотворений «живаговского» цикла: «Магдалина I» и «Магдалина II». Особенно важен в этом плане следующий прозаический фрагмент: *...Она просит Господа: «Разреши долг, якоже и аз власы». То есть: «отпусти мою вину, как я распускаю волосы». Как вещественно выражена жажда прощения, раскаяния!* [Там же]. Эти строки перекликаются со стихотворением «Магдалина II»: *«Шарю и не нахожу сандалий. / Ничего не вижу из-за слез. / На глаза мне пеленой упали / Пряди распустившихся волос»* [Там же, с. 676].

Поэтическая и прозаическая части романа вступают в образные переключки именно в сфере евангельского времени. Когда речь идет о Страстной неделе, то воспоминание о завершающем периоде земной жизни Христа включается в круг природного цикла: *Была зима в исходе, Страстная, конец великого поста. Снег на дорогах чернел, обличая начавшееся таяние, а на крышах был еще бел и нависал плотными высокими шапками* [Там же, с. 401] — и находит продолжение в стихотворении Юрия Живаго «На Страстной»: *И март разбрасывает снег / На паперти толпе калек* [Там же, с. 648].

В стихотворении «На Страстной» в призме сокровенной жизни природы предстают реалии скорбных и судьбоносных дней: *со Страстного четверга / Вплоть до Страстной субботы* [Там же, 2012, с. 647]; *И если бы земля могла, / Она бы Пасху проспала / Под чтение Псалтыри* [Там же]. В «живаговском» цикле этот отрезок евангельской истории и церковно-богослужбной жизни запечатлен очень подробно, природа здесь уподобляется человеку, вместе с ним переживает смерть Христа и становится продолжением храмового пространства: *И на Страстях Христовых, / Как строй молящихся, стоит / Толпой стволов сосновых* [Там же, 2012, с. 648]; *Сады выходят из оград, / Колеблется земли уклад: / Они хоронят Бога* [Там же].

«Гефсиманский сад» — итоговое стихотворение из цикла стихотворений Юрия Живаго, оно вместе с начальным стихотворением «Гамлет» формирует кольцевую композицию не только стихотворного цикла, но и произведения в целом. Молитвой в Гефсиманском саду увенчивается время земной проповеди Христа (Четверг Страстной недели), в этом обращении к Отцу приоткрывается тайна Его Божественного самоумаления и искупительного подвига ради спасения мира, который был совершен Им от воочеловечения до крестных мук: *В конце был чей-то сад, надел земельный. / Учеников оставив за стеной, / Он им сказал: «Душа скорбит смертельно, / Побудьте здесь и бодрствуйте со мной». / Он отказался без противоборства, / Как от вещей, полученных взаймы, / От всемогущества и чудотворства / И был теперь, как смертные, как мы* [Там же, с. 677].

Великая Пятница связана с воспоминаниями о смерти Иисуса Христа на кресте. У Пастернака выразительно запечатлена картина скорбного крестного хода, совершаемого во время церковного чина погребения Плащаницы: в мощном прозрении о Спасителе как «Человеке», что *«все до нитки раздал»*, в психологических штрихах, подробностях богослужения, в контрастном соотношении с весенней природой, предвещающей *«усилье Воскресенья»* и уже иной, близкий, ликующий крестный ход в Пасхальную ночь. В неожиданном обонятельном впечатлении от «воздуха с привкусом просфор» приоткрывается тайна соединения в личности Христа Божественной и человеческой природ, желанная встреча земли с небом: *«Но в полночь смолкнут тварь и плоть, / Заслышав слух весенний, / Что только-только распогодь, / Смерть можно будет побороть / Усиьем Воскресенья»* [Там же, с. 678]. Здесь актуализируется временная вертикаль — библейское представление о Божественном сотворении мира, о Высшей воле, диктующей устройство мироздания и в том числе — движение времени.

В цикле «Стихотворений Юрия Живаго» проводится параллель между природным круговоротом и циклическими закономерностями церковного календаря. Стихотворения размещаются в последовательности, отражающей круг «от весны к весне», а также «от Пасхи к Пасхе». Д. С. Лихачев, рассматривая «вечность» художественного времени, указывал на то, что христианские праздники в церковном восприятии являются не только памятью о событиях Священной истории, святых, но и в символическом смысле событиями, которые совершаются снова и снова, каждый год в одно и то же время [Лихачев, 1989]. Предпошущаемый, напряженно ожидаемый, но остающийся пока в таинственной области будущего времени, праздник Пасхи в «Стихотворениях Юрия Живаго» ассоциируется с Царством грядущего века, конечным торжеством Божественной вечности над временностью, относительностью и кривизнами земной истории.

4. Заключение

Таким образом, христианский смысл романа нашёл отражение в системе образов, в характере нарратива и, конечно, в способе организации художественного времени в произведении. Наряду с историческим временем, временем как грамматической категорией, двигателем нарратива в произведении выступает «сакральное», христианское время.

Религиозное переживание времени в романе «Доктор Живаго» проявилось в углубленном художественном осмыслении тайны богочеловеческой личности Христа, в творческом постижении значения для человеческой истории Его пришествия в мир, Его искупительного подвига. Автор нащу-

пывает зыбкие грани быта и бытия, истории и вечности, проникаясь вслед за Живаго раздумьями Симы Тунцевой о том, что *«отдельная человеческая жизнь стала Божьей повестью, наполнила своим содержанием пространство вселенной. Как говорится в одном песнопении на Благовещение, Адам хотел стать Богом и ошибся, не стал им, а теперь Бог становится человеком, чтобы сделать Адама Богом (“человек бывает Бог, да Бога Адама соделает”)*» [Пастернак, 2012, с. 522]. Автор стремится показать, что жизнь каждого человека связана с Богом, а время, в котором этот человек существует, с «сакральным» временем — не всегда линейным, субъективным, зависящим от душевных и духовных трансформаций персонажа.

Многие события романа, судьбы ряда персонажей в той или иной степени ассоциируются с новозаветным преданием. При этом автора волнует тема духовного воскресения личности: в романе получают воплощение не только отдельные евангельские сюжеты, нравственные стороны христианства, но и его собственно вероучительные основы. Временная организация текста в немалой мере продиктована соотношением библейских сюжетов и событий с историей России эпохи войн и революций XX века. Двадцать пять «Стихотворений Юрия Живаго» — от «Гамлета» до «Гефсиманского сада» — могут быть прочитаны как художественное откровение о пути к преображающему «переплавлению» повседневной эмпирической обыденности в опыт приобщения к Божьему «замыслу упрямому» о «драме» земной истории.

Перспективой настоящего исследования может стать анализ «религиозного пространства», без которого, несомненно, в романе Б. Л. Пастернака не существует переживание религиозного времени. Кроме того, исследование может быть продолжено посредством обращения к поэзии Б. Л. Пастернака. Ведь неслучайно текст романа воспринимается как «поэтический текст».

Источники и принятые сокращения

1. ЛЭС — *Литературный энциклопедический словарь* / Под общ. ред. В. М. Коженикова, П. А. Николаева. — Москва : Советская энциклопедия, 1987. — 752 с.
2. *Пастернак Б. Л. Доктор Живаго* : роман / Б. Л. Пастернак. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. — 704 с.
3. *Пастернак Б. Л. Мой взгляд на искусство* / Б. Л. Пастернак. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1990. — 286 с.

Литература

1. *Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* / М. М. Бахтин // М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстети-

ки. Исследования разных лет. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 234—406.

2. Бёртнес Ю. Христианская тема в романе Пастернака «Доктор Живаго» / Ю. Бёртнес // Проблемы исторической поэтики. — 1994. — № 3. — С. 361—377.

3. Ермолов Л. И. Время в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» / Л. И. Ермолов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. — 2012. — Т. 12. № 2. — С. 80—84.

4. Есаулов И. А. Пасхальный архетип русской литературы и структура романа «Доктор Живаго» / И. А. Есаулов // Проблемы исторической поэтики. — 2001. — № 6. — С. 483—499.

5. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. — Москва : Круг, 2004. — 560 с.

6. Жиличева Г. А. Конфигурация времени в нарративе романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» / Г. А. Жиличева // Сибирский филологический журнал. — 2013. — № 3. — С. 130—141.

7. Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты / В. Н. Захаров. — Москва : Индрик, 2012. — 264 с.

8. Лихачёв Д. С. Размышления над романом Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» / Д. С. Лихачёв // Пастернак Б. Доктор Живаго : роман. Повести. Фрагменты прозы. — Москва : Советский писатель, 1989. — С. 5—16.

9. Мазанаев Ш. А. Временная структура романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» / Ш. А. Мазанаев, М. Б. Айгубова // Мир науки, культуры, образования. — 2018. — № 3 (70). — С. 440—441.

10. Скоропадская А. А. Евангелие от Иоанна в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» / А. А. Скоропадская // Проблемы исторической поэтики. — 2011. — № 9. — С. 342—354.

11. Тюпа В. И. Нарративная интрига «Доктора Живаго» / В. И. Тюпа // Новый филологический вестник. — 2013. — № 2 (25). — С. 72—91.

12. Хатямова М. А. К проблеме персонифицированного повествования: «Золотой узор» Б. К. Зайцева / М. А. Хатямова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2007. — № 8 (71). — С. 55—60.

13. Чащинов Е. Н. Трансформация ветхозаветного образа Адама в романе А. Королева «Эрон» / Е. Н. Чащинов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2015. — Т. 1. № 2. — С. 57—66.

Religious Perception of Time in B. Pasternak's novel “Doctor Zhivago”

© Zou Wen Yao (2019), orcid.org/0000-0003-2192-9831, PhD student, Department of History of Newest Russian Literature and Modern Literature Process, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), zouwenyao@mail.ru.

© **Nichiporov Ilya Borisovich (2019)**, orcid.org/0000-0001-6338-9947, Doctor of Philology, professor, Department of History of Newest Russian Literature and Modern Literature Process, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), il-boris@yandex.ru.

The features of the organization of artistic time in B. L. Pasternak's novel "Doctor Zhivago" are considered. It is noted that the time in the novel is presented in the form of three models that are correlated and mutually intersect: historical time, time as grammatical category and sacred, "biblical" time. Special attention is paid to the "biblical" time associated with religion. It is proved that the plot-compositional structure and images of Pasternak's novel — in its prosaic and especially poetic parts — correlate with Evangelical events and the Orthodox calendar circle, the center of which is the Holy week, where every day reminds of the final events of the earthly ministration and preaching of Jesus Christ. An important element of the study is the identification of the dramatic self-perception of the lyrical "I" in the poetic Chapter of the novel, where it acquires a timeless meaning, is projected on the events of the Evangelical history and, above all, on the mystery of the sacrificial feat of Christ. In the process of analyzing the peculiarities of artistic time in the novel, it becomes obvious why references to historical facts are given in the text, as a rule, without specific dates, but in association with certain periods of the church year. It is concluded that in the novel "Doctor Zhivago" the religious perception of time, typical for the author and a number of characters, presupposes the mutual germination of life and existence, history and eternity.

Key words: Christianity; Evangelical text; historical time; Orthodox calendar; Easter cycle; Pasternak; novel "Doctor Zhivago"; system of leitmotives; novel composition.

Material resources

- LES — Kozhevnikov, V. M., Nikolayev, P. A. (ed.) (1987). *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).
- Pasternak, B. L. (1990). *Moy vzglyad na iskusstvo*. Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo universiteta. (In Russ.).
- Pasternak, B. L. (2012). *Doktor Zhivago: roman*. Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russ.).

References

- Bakhtin, M. M. (1975). *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike*. In: Bakhtin, M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. 234—406. (In Russ.).
- Bertnes, Yu. (1994). Khristianskaya tema v romane Pasternaka «Doktor Zhivago». *Problemy istoricheskoy poetiki*, 3: 361—377. (In Russ.).
- Chashchinov, E. N. (2015). Transformatsiya vetkhovetnogo obraza Adama v romane A. Koroleva «Eron». *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 1 (2): 57—66. (In Russ.).
- Ermolov, L. I. (2012). Vremya v romane B. Pasternaka «Doktor Zhivago». *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 12 (2): 80—84. (In Russ.).
- Esaulov, I. A. (2001). Paskhalnyy arkhetip russkoy literatury i struktura romana «Doktor Zhivago». *Problemy istoricheskoy poetiki*, 6: 483—499. (In Russ.).

- Esaulov, I. A. (2004). *Paskhalnost' russkoy slovesnosti*. Moskva: Krug. (In Russ.).
- Khatyamova, M. A. (2007). K probleme personifitsirovannogo povestvovaniya: «Zolotoy uзор» B. K. Zaytseva. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 8 (71): 55—60. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1989). Razmyshleniya nad romanom B. L. Pasternaka «Doktor Zhivago». In: Pasternak, B. *Doktor Zhivago: roman. Povesti. Fragmenty prozy*. Moskva: Sovetskiy pisatel, 5—16. (In Russ.).
- Mazanayev, Sh. A, Aygubova, M. B. (2018). Vremennaya struktura romana B. Pasternaka «Doktor Zhivago». *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 3 (70): 440—441. (In Russ.).
- Skoropadskaya, A. A. (2011). Yevangeliye ot Ioanna v romane B. Pasternaka «Doktor Zhivago». *Problemy istoricheskoy poetiki*, 9: 342—354. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (2013). Narrativnaya intriga «Doktora Zhivago». *Novyy filologicheskyy vestnik*, 2 (25): 72—91. (In Russ.).
- Zakharov, V. N. (2012). *Problemy istoricheskoy poetiki. Etnologicheskie aspekty*. Moskva: Indrik. (In Russ.).
- Zhilicheva, G. A. (2013). Konfiguratsiya vremeni v narrative romana B. Pasternaka «Doktor Zhivago». *Sibirskiy filologicheskyy zhurnal*, 3: 130—141. (In Russ.).